

ГЕОРГИЙ АБСАВА

ПРОТИВ АНТИЛЕРМОНТОВЕДЕНИЯ

(К 170-летию гибели М. Ю. Лермонтова)

Короткая биография самого энигматичного русского поэта полна вопросов, на которые пока нет ответа. До сих пор неразрешимой загадкой является тайна его смерти. Общепринятой является версия о гибели М. Ю. Лермонтова на честном поединке с Н. С. Мартыновым, якобы доведённым до отчаяния издевательствами желчного мизантропа. Однако неоспоримые документы подлинного “Следственного дела”, опубликованные в 1992 г., свидетельствуют о предательском убийстве под прикрытием экстремальных обстоятельств дуэли. Более того, вопреки установившемуся мнению, поэт не был убит наповал – тяжелораненный, истекающий кровью, он был оставлен без помощи под проливным дождём и скончался через 3 часа при перевозке в Пятигорск. “Дуэли не было – было убийство”, – говорил Р. И. Дорохов, боевой товарищ Лермонтова писателю А. В. Дружину. Об этом же позднее писали Н. Коротков, С. Недумов, И. Кучеров, В. Стешиц, В. Швембергер, такого же мнения придерживался К. Паустовский.

Есть основания подозревать зловещую роль секундантов на роковой “дуэли” – князя А. Васильчикова, корнета М. Глебова, а также родственников поэта А. Столыпина (“Монго”) и князя С. Трубецкого. Понятно, что этим людям было жизненно необходимо оправдаться любой ценой, в том числе и опорочив имя своей жертвы. От Мартынова, Васильчикова и (возможно) их подельников тянутся клеветнические инсинуации, окутавшие ядовитым туманом память М. Ю. Лермонтова.

Из их круга вылезли слухи о невыносимых лермонтовских насмешках, об оскорблении им чести сестёр Мартынова и проч. (живость этих измышлений доказана в работах И. Андроникова, Э. Герштейн, О. Миллер и других советских лермонтоведов). Оказался живучим вымысел о том, что Михаил Юрьевич сам спровоцировал Мартынова на роковой выстрел, обозвав “дураком” на барьере. Версия эта исходит от князя А. Васильчикова, которого многие исследователи не без основания считают врагом поэта и организатором его убийства. Потомки князя, живущие за границей, много лет безуспешно пытались сбросить эту байку через эмигрантскую прессу. Но вот написанная на её основе посредственная компиляция “Лермонтов. Трагедия на Кавказе” англичанина Л. Келли издана в Москве – и клевета введена в научный оборот.

Мутные валы клеветы по-прежнему накатываются на светлый образ поэта. Вот, извольте – в книге “Загадка последней дуэли” является миру статья “Лермонтов ли Лермонтов?”, где В. Захаров, не моргнув глазом утверждает, что отцом Михаила Юрьевича был... крепостной кучер в Тарханах. Единственное основание: воспоминания тамошней 114-летней (!) крестьянки, изложенные в письме какого-то малограмотного паренька. Вряд ли в это верил крупный лермонтовед В. Мануйлов, но что удержало маститого учёного от того, чтобы выбросить этот написанный корявым почерком вздор в поганое ведро? Чувство юмора и склонность к мистификациям – или тщеславное желание когда-нибудь произвести сенсацию недостоверной, но оглушительной находкой? С 1936 г. хранил Виктор Андроникович замусоленную бумажку в ящике стола. Но после его смерти она попала в руки В. Захарову, а тот, ничтоже сумняшеся, не побрезговал предать её гласности.

Можно только заметить, что порочить репутацию женщины, тем более давно умершей, всегда считалось у нас недостойным занятием. Но видно так низко пала мораль общества, что уже не является зазорным вбросить сомнительный слух, чтобы хоть на карачках подползти поближе к известности. Желание честолюбивых “лермонтоведов” выбиться в люди на гребне скандальной волны понятно, но и мы тоже хороши, коли равнодушно слушаем грязную сплетню.

Морально-этические нормы со временем эволюционируют (и к сожалению – часто в сторону деградации), и сейчас в общественном сознании существуют довольно туманные представления о девичьей чести, женской гордости, о дворянской кастовости, наконец. Современному человеку трудно понять хрупкую болезненную девушку, сумевшую отстоять своё право на любовь в конфликте с властной матерью и выйти замуж за Ю. П. Лермонтова. А понять характер Марии Михайловны Лермонтовой, причувашей маленького Мишеньку к добру и состраданию к обездоленным, необходимо – тогда станет ясной абсурдность вымысла о том, что аристократка из рода Столыпиных и Арсеньевых, воспитанная в духе высокой морали, не страдавшая модными нынче сексуальными перверсиями, могла унизиться до случайной связи. Это, знаете ли, не теперешняя “звезда”.

Не был Юрий Петрович Лермонтов картёжником, пьяницей, мотом и аморальным мужем, избивавшим жену и изменявшим ей с кем попало – эти слухи распространяли родственники Елизаветы Алексеевны Арсеньевой (ур. Столыпиной), бабушки поэта, чтобы помочь ей отнять сына у отца. Не выдавала она дочь за нищего помещика, чтобы прикрыть бесчестье, и не передать полагавшееся ему по закону приданое жены, которое непрактичный Юрий Петрович не оформил вовремя на себя. А Миша нежно любил отца, тосковал в разлуке, посвящал ему стихи; портрет его он хранил до конца жизни. И отец тоже любил своего сына – ознакомьтесь с его завещанием; православный человек перед смертью не лжёт.

Не надо забираться в дебри психопатологии, от которых смутился бы сам Фрейд. Чем верить столетней бабке и гебефренному подростку, перечитайте (или прочитайте) автобиографическую пьесу М. Ю. Лермонтова “Люди и страсти”. Разрыв между самыми близкими мальчику людьми – отцом и бабушкой – описан самим участником, невольным виновником и жертвой этой семейной драмы. Каких ещё свидетелей надобно? Остаётся посоветовать любителям эпатажа брать пример с медведя – тот, хотя и сосёт лапу, но сенсаций из неё не высасывает.

У людей всё по-иному: высосанный пасквиль тут же подхватывают образованные люди с атрофированным чувством брезгливости, и даже не обтерев рукавом, отправляют в рот, а из жвачки фабрикуют целую книгу. Примерно по такой несложной технологии состряпан роман “Мишель” Е. Хаецкой, где писательница, отбросив сомнения в грехопадении Марии Михайловны, в родовых муках творчества производит на свет двух братьев Лермонтовых, Юрия и Михаила. Первый – лихой гусар, храбрый вояка и заурядный вишшеплёт. Второй – злобный насмешник, уродливый трус, но при том гениальный поэт. Доказательства? Пожалуйста, их у нас есть: “... Два портрета кисти Заболотского. На одном – юный красавец, на другом угрюмец со скошенным лбом и неправильным прикусом. Лица очень похожи. Но куда подевалась мягкая улыбка со второго портрета?” Факт не менее убедительный, чем пятый туз из

рукава. Г-жа Хаецкая забыла спросить: а куда подевалась сигара со второго портрета? Вот же она, неопровержимая улика – один с сигарой, другой без, значит, братьев Лермонтовых было двое.

Е. Хаецкая – писательница-фантаст, вернее, “фэнтезист”, а этот народ привык обращаться с фактами запанибрата. Не стоит говорить уж о таких перлах – осьмнадцатое столетие у неё истекает в 1811 г., сорок дней со дня рождения Мишеньки, оказывается, “сороковины” и т. п. Но, почтеннейшая, князь Васильчиков ну никак не мог успеть впутаться в преступную цепочку контрабанды оружия и едва ли не возглавить её. Нет, контрабандная поставка оружия горцам существовала, да ещё какая, для того на Кавказ командировали жандарма А. Кушинникова (а вовсе не для слежки за Лермонтовым). Однако Васильчиков служил в 1840–1841 гг. в Грузии в комиссии барона Гана, а после её неудачи решил отсидеться в Пятигорске.

Перечень ляпсусов можно было бы продолжить, но не в них суть. Почему писатель, работающий в жанре “фэнтэзи”, не оперирует на своём привычном поле? Отчего бы не описать приключения вымышленных братьев в какой-нибудь мифической стране в духе “Аватара” или на худой конец “Властелина колец”? И критики не станут придираться. Описал же похождения некоего англичанина в землях Бробдингнегг и Глабдобдриб один ирландский священник, и ничего – до сих пор читают. Правда, то был сам преподобный Джонатан Свифт!

Однако этот отдел литературной лавочки нынче забит доверху; цены на такой товар отечественного разлива упали, а заработки снизились. Вот для того-то и придуман “римейк” – раскрутка безвкусной компиляции под соусом известного “бренда” (в данном случае Лермонтова), чтобы, сэкономив на рекламе, быстро и дёшево получить прибыль. Что можно сказать о такой, мягко выражаясь, вольной манере обращения с биографией одного из величайших наших поэтов? “Литературное хулиганство” – молвит с застенчивой улыбочкой г-жа Хаецкая. Но Лермонтов – символ России, а хулиганство с национальной символикой недопустимо и предел ему должен быть положен.

Казалось бы, довольно для одного человека, даже великого. Но из пальца г-на Захарова, как из дырявого пыльного мешка, высыпается новая баечка о том, что поэт в детстве якобы страдал водянкой головного мозга: этот вывод сделали неизвестные “нейрохирурги”, увидав известный портрет Лермонтова в детстве. Человеку, ухитрившемуся выжить после такого тяжелейшего заболевания, дай Боже, как говорится, читать-писать научиться, а не “Героя нашего времени” создать. К сожалению, собеседниками нашего “лермонтоведа” оказались какие-то, видимо, начинающие медики (да и медики ли?), допущенные к созерцанию портрета явно после весёлого обеда; иными причинами диагноз сей объяснить невозможно.

Трудно понять, чем вызвано феноменальное стремление к диффамации М. Ю. Лермонтова, но очередь желающих попасть в эту малопочтенную компанию не уменьшается. Из какой выгребной ямы автор книги “Другой Петербург” К. Ротиков выкопал сказку о якобы гомосексуальности Лермонтова? Этой темой г-н Ротиков прямо-таки упивается, раздавая медали с “голубым” отливом всем выдающимся людям, когда-то жившим в Петербурге. Там, видите ли, география такая, благоприятствует-с. Заодно и Лермонтов был “сопричислен лику” за так называемую “юнкерскую поэзию”.

Не будем спорить о пристрастиях российских политиков и деятелей культуры прошлого и настоящего (желающих отсылаем к известному З. Фрейду и небезызвестному Г. Климову). Но Михаила Юрьевича награждать таким титулом чохом, “до кучи” право же, не стоит. Тем более за несколько сочинений, написанных на потеху едва вышедших из детского возраста полувоенных “бамбошеров”. Шутки подростков зачастую отличаются грубостью, выходящей за пределы приличий и языковых норм. Так было и в Юнкерской школе среди 400 юных лоботрясов, желавших казаться взрослыми. В юнкерской поэзии Лермонтова традиционно ориентированный глаз ясно видит гротеск и юмористически утрированную подражательность тогдашней эротической лирике (в основном переводной с французского) для усиления комизма виртуальной ситуации.

Достоверность выводов К. Ротикова ставит под сомнение его поверхностное знакомство не только с творчеством, но и биографией М. Ю. Лермонто-

ва. Автор не знает, что род поэта действительно имеет шотландские корни (и даже через линию Гордонов пересекается с родом Байронов), дворянские гербы испанских Лерма, шотландских Лермонтов и русских Лермонтовых почти идентичны; Святослава Раевского (друга Мишеля) близкие называли не “Стас”, а “Слава”; однокашник поэта П. Тизенгаузен не мог служить с ним в Петербурге в гродненских гусарах – этот полк был расквартирован под Новгородом и т. д.

Однако поражает почти клиническая мелочность, с которой Ротиков выискивает признаки гомозротизма в творческом наследии Михаила Юрьевича: на основании одного лишь четверостишия о “туксусе Капгаре” (которое по сути является черновиком перевода восточной поэзии) этот автор делает ошеломительное заключение о гомосексуальности как эстетической позиции поэта. Жаль, что г-н Ротиков, с упоением цитирующий М. Кузмина и А. Апухтина (с этими-то всё ясно), не удосужился глубже ознакомиться с лермонтовской лирикой, ибо её ориентация может вызвать сомнения только в нетрадиционно изменённой психике. Видимо, гробокопательство в петербургском некрополе с поголовным обмазыванием усопших голубой краской не оставило почтенному автору времени прочитать хотя бы небольшой томик избранных стихотворений М. Ю. Лермонтова.

Демон клеветы хотя и малограмотен, но весьма изобретателен и активен. Поэту его адепты сомнительного литературного поведения способны броситься в другую крайность – сенсации ради. Уже известного В. Захарова бес мелкого тщеславия подтащил ещё к одному неожиданному выводу: “. . . Нет ни одного доказательства его (Лермонтова. – Авт.) интимных отношений с женщинами. Можно предположить, что у него не всё было в порядке с половыми органами, возможно, из-за перенесённых в детстве болезней. Во всяком случае, как только дело доходило до помолвки, он уходил в кусты. Например, он сам на себя написал анонимку и отправил её Екатерине Сушковой, чтобы ему отказали от дома. И своего добился”.

Не исключено, что Захаров желает продемонстрировать свою литературную эрудицию, в частности, знакомство с новеллой К. Чапека “Дон Жуан”, где обыграна такая ситуация. Это похвально, но надо же хоть немного знать и биографию Лермонтова. Ведь интригу с Е. А. Сушковой (Хвостовой) поэт затеял только для того, чтобы расстроить её помолвку со своим другом А. Лопухиным, едва ли не по просьбе семьи, опасавшейся брака тихони Алексиса с искушённой кокеткой, охотившейся за женихами. Мишель был того же мнения, поэтому жениться на многоопытной вертихвостке не собирался. Впоследствии он намеревался связать свою судьбу с юной красавицей княгиней М. А. Щербатовой. Свадьба расстроилась из-за дуэли с Э. де Барантом: Лермонтов был сослан на Кавказ, а Мария Алексеевна, подавленная смертью сына и затравленная светскими сплетнями, была вынуждена уехать за границу.

Как будто всё ясно, но “маститого” лермонтоведа вновь окатывает “потный вал вдохновенья”, и он мчится за своей хромающей на все четыре ноги фантазией в Тарханы зимой 1836 г., куда Лермонтов приехал к бабушке в свой первый отпуск из полка. Поэт находится под тяжёлым впечатлением от встречи в Москве с уже замужней Варварой Лопухиной-Бахметевой (любовь к ней он пронёс через всю свою короткую жизнь). Из Тархан он пишет сугубо “мужское” письмо С. Раевскому, где – надо признать, весьма вольно сообщает об отказе от помещичьих развлечений с дворовыми девками. Сердце Мишеля принадлежит Вареньке (“надо тебе сказать, что я влюблён. . .”), он отвергает заигрывания распущенных неопрятных девиц. Почему же В. Захаров с упорством, достойным лучшего применения, снова желает видеть в высокой нравственности и глубине чувства поэта проявления той самой “слабости”? Отдадим должное современникам – уж они-то так не думали, о чём свидетельствует хотя бы известное письмо В. Г. Белинского к В. П. Боткину, где он описывает успехи Лермонтова у петербургских аристократок.

С Белинским согласна современная писательница Л. Белова: оказывается, доводил Михаил Юрьевич свои романы “до конца”, даже отцом стал! Она поведала миру о любви Лермонтова и А. О. Смирновой-Россет, итогом которой считает появление на свет их дочери Надежды. Утешительно было бы думать, что где-то на свете здравствуют прямые потомки поэта. Но увы – это не более, чем вымысел.

Александра Осиповна Смирнова – прославленная красавица, “черноокая Росетти” (А. С. Пушкин), друг, муза и покровительница русских литераторов, высоко ценила Лермонтова-поэта, хлопотала за него в высоких инстанциях. Смирнова произвела на Мишеля огромное впечатление, он посвящал ей стихи, любил её остроумные выходки (“штучки”); в отрывке “У граф. В.” оставил описание этой светской красавицы. Однако её независимый характер и резкость суждений, по-видимому, внушали поэту почтение и даже робость: “Но молча вы глядите строго, / И я в смущении молчу”. Находясь на Кавказе, он не решается написать ей. Вряд ли это похоже на отношения двух влюблённых. Насколько более близкой и тёплой была дружба Смирновой с другим гением – Н. В. Гоголем; некоторые современники (например, С. Т. Аксаков и др.) даже подозревали, что Гоголь втайне влюблён в Александру Осиповну.

Однако Л. Белова, воспользовавшись апокрифическими “Записками А. О. Смирновой”, фальсифицированными её старшей дочерью Ольгой, а также собственноручной смирновской “Биографией А. О. Чаграновой” о флирте с родственником мужа Н. Д. Киселёвым в Бадене в 1836 г., с богемной вольностью сочла их завуалированным описанием её романа с поэтом. (Кстати: Чигранова – фамилия героини сожжённого Н. В. Гоголем тома “Мёртвых душ”). Переплетая судьбы этих людей, писательница опубликовала литературный коллаж под названием “Александра и Михаил. Последняя любовь Лермонтова” (М. 2005). К его достоинству относится уважительное отношение к памяти великого поэта и редкое нынче отсутствие кощунственных “сенсаций”. Но, к сожалению, образ Лермонтова схематичен, в довольно монотонном повествовании ему отведено мало места, он как будто растворяется в излишне детализированных компилятивных разработках побочных линий. Главное – читатель не увидит яркую впечатляющую личность поэта, воина и патриота, каким был Михаил Юрьевич в жизни.

Всё это не преминуло отразиться в кривом зеркале некоторых СМИ. Уже в трескучем заголовке: “2 октября 195 лет со дня рождения автора поэмы “Демон” и романа “Герой нашего времени”. Фрейлина Николая I родила дочку от Лермонтова” (Экспресс-газета, № 38 (763) 2009) журналистка Т. Кокина-Славина и “видный историк” А. Гончаров ухитрились допустить сразу несколько ляпсусов. Во-первых, дата рождения поэта дана по старому стилю, но живём мы всё-таки по новому стилю. Далее, фрейлинами могли быть только незамужние девушки; Смирнова оставила эту должность в 1832 г. в связи с браком, и к моменту рождения её третьей дочери, якобы от Лермонтова, была замужем уже 8 лет. Наконец, у Николая I, как и у всех русских императоров, не было фрейлин – они служили в свите императриц и великих княгинь. И уж совсем непонятным представляется выбор в качестве иллюстрации картины И. Е. Репина “Дуэль”, которая никакого отношения к дуэли М. Ю. Лермонтова не имеет.

В кинематографическом освещении образа поэта также просматривается стремление добиться скандального успеха спекуляциями на периодически всплывающих шокирующих вымыслах. В тумане клеветы совершенно утонул телесериал “Из пламя и света”, где Лермонтов предстаёт в набившем кислую оскомину виде желчного мизантропа, страдавшего навязчивыми суицидальными состояниями, вынудившего несчастного благородного Мартынова на фатальный выстрел. Нет необходимости обсуждать недостатки этого фильма, наскоро сколоченного в далеко не лучших традициях постсоветского телесериала. Но насколько кощунственно звучит реплика убийцы: “Зачем ты заставил меня сделать это?” Здесь обыгрывается версия патологического стремления Лермонтова к смерти, родившаяся в воспалённом мозгу философа В. Соловьёва. Досадно, что эту дикую, отдающую жёлтым домом “концепцию” почему-то разделяют некоторые современные лермонтоведы, например, А. В. Очман.

Прошедший в 2007 г. телесериал “Печорин” – наивная попытка экранизации лермонтовского романа – оставил не менее удручающее впечатление. Вместо трагедии невостремленной Россией сильной личности, растратившей свои незаурядные дарования и обратившей их к злу, нам показали сомнительные похождения самовлюблённого повесы и авантюриста. Перед нами выкроенный из отечественной поскони триллер “со вкусом Лермонтова”, подобно напичканному химией напитку “со вкусом вишни” для “поколения “пеп-

си” (подробнее о фильме – см. публикацию автора в газете “День литературы”, 2007, № 8).

Ярким пятном на этом грязно-сером фоне до сих пор выглядит блистательный кинофильм “Лермонтов”, бережно и с огромной любовью снятый ещё в 80-х гг. Н. П. Бурляевым. В этой небольшой по современным меркам ленте народный артист России создал тонкий и одухотворённый образ Поэта, за что был подвергнут травле со стороны критики и даже товарищей по цеху. К сожалению, с той поры “...на поверхность, подобно грязной пене, изредка всплывали либо бесцветные опусы псевдобиографического толка, либо откровенные клеветнические искажения личности Лермонтова, порочащие его самого, бабушку, мать, отца, оправдывающие убийцу с сообщниками” (Н. Бурляев).

Нельзя не разделить тревогу замечательного русского артиста. По-прежнему, подобно клубку ядовитых змей, вокруг образа великого поэта сплетаются разнообразные лживые измышления. Право же, надоело повторять сказки, сочинённые убийцами Лермонтова, о его несносных издевательствах, оскорблявших друзей и знакомых. Но как характеризовать недавнее высказывание ведущего телепрограммы “Умники и умницы” профессора МГИМО Ю. Вяземского: “...Пушкина и Чехова паиньками не назовёшь, а Лермонтов и вообще был полубандитом” (“МК”, 22.01.10). Вся клеветническая продукция, обрушенная на Михаила Юрьевича, хорошо известна, но с таким обвинением приходится сталкиваться впервые, да и самозванный лермонтовед ранее на этом поле замечен не был. Трудно сказать, что подвигло почтенного профессора, воспитателя юношества, телезвезду и прочая, и прочая, на такое дебютное “открытие” в лермонтоведении. Это, по-видимому, останется навсегда его личной тайной. Можно только пожалеть юных умников и умниц, имеющих подобных наставников.

История русской литературы не знает других подобных примеров, когда на великого поэта было возведено столько лживых вымыслов и грязных слухов не только противоположного, но даже взаимоисключающего характера. Но есть верное средство отличить правду от вымысла: то, что так запутано, правдой быть не может. Однако констатировав ложь, имеем ли мы право ограниться презрительным пожатием плеч? Безусловно, нет; нельзя проходить мимо такого литературного разбоя, насилия в извращённом виде над фактами и прочими отягощающими обстоятельствами. И вот почему.

М. Ю. Лермонтов фактически явился первым, кто начал “программировать” человека будущего, создавать установки для формирования у него высоких гражданских качеств. Его жизнь может стать примером для подражания каждому новому поколению. Россия не может существовать без идеологии, а её нельзя создать, не имея образов тех личностей, с которых молодёжь будет строить свою жизнь. В этом опасность очернительских кампаний, порочащих не только Лермонтова, но и других выдающихся людей, а также события истории нашей страны. Невольно испытываешь чувство стыда за то, что приходится принимать законодательные меры против фальсификации истории России её же гражданами. Стоит ли после этого возмущаться парадами эсэсовцев в Прибалтике, осквернением могил советских воинов, клеветническими нападениями на нашу великую Победу?

Свобода слова у нас, к сожалению, выродилась во вседозволенность. Любой начётчик, нахватавшийся отрывочных сведений и желающий прорваться к известности, может сейчас опубликовать (были бы деньги) кощунственно звучащую сенсационную “новость” о гиганте русской поэзии – и не только о нём. А услужливые журналисты, стремясь поднять продажу своих изданий, охотно предоставляют рупор для тиражирования беспардонного вранья. Можно не без оснований критиковать советское лермонтоведение за идеологическую зашоренность, но его отличало бережное и объективное отношение к памяти Лермонтова.

К сожалению, сейчас тщательно сформированная советская школа научного лермонтоведения близка к развалу. Безусловно, сказался уход из жизни выдающихся исследователей – И. Л. Андроникова, Э. Г. Герштейн, В. А. Мануйлова (а недавно – Ю. П. Беличенко). Однако продолжают работать их ученики и последователи, функционирует Лермонтовское общество, действуют музеи и заповедники в Москве, Тарханах, Пятигорске, Железноводске, Тамани и т. д.

Однако деятельность этих центров разрознена, они не в состоянии координировать свою работу, не всегда имеют средства для научных исследований, их издания выходят микроскопическими тиражами.

Разумеется, речь не идёт о введении цензуры и других запретительных мер. Достаточно вернуться к эффективной и апробированной в этом отношении технологии – правилу обязательного рецензирования подобных материалов перед выходом в свет. А спорные факты и выводы могут быть опубликованы в рамках научной дискуссии, круглого стола и пр.

В обязанности не только лермонтоведов, но и всего общества входит защита нашего культурного наследия и сохранение его для потомков, ибо это составная часть той самой национальной идеи, о которой сейчас так много рассуждают политики. Но разговоры мало помогают делу – нужны действия.